

Юлия Колесниченко. О чём мой муж не спросит президента Путина

Аргументы и факты, 17.12.2013

<http://www.aif.ru/society/people/1067747>

Если ты спрашиваешь про российских сирот, а собеседник почему-то отвечает про американские выборы, диалога не получается.

Год назад на пресс-конференции [корреспондент «АиФ» Александр Колесниченко задал президенту вопрос](#), который тогда многим запомнился. Не из-за темы — о законе, цинично названном именем погибшего мальчика, спрашивали многие, а по форме — ведь это был не столько вопрос, сколько утверждение. И слова «людоедский закон» из уст журналиста-усыновителя прозвучали примерно как «король-то голый», вызвав раздраженное: «Вы садомазохист, что ли?» со стороны **Путина**.

У президента будет очередная пресс-конференция. Я не знаю, спросит ли его кто-нибудь о последствиях этого закона. О том, как выполняются обещания первых лиц самим позаботиться о «наших» детях. О тех, кто стал сиротами во второй (а кто-тои больше) раз. О тех, кого уже нет в живых. И о том, что на самом деле случается с каждым ребенком в нашей сиротской системе. Я не знаю, есть ли вообще смысл задавать эти вопросы президенту: ведь если ты спрашиваешь про российских сирот, а собеседник почему-то отвечает про американские выборы, диалога не получается.

Не верь, не бойся, не молчи

Ведь вопросы — как и ответы — звучат не для президента и не для СМИ. Они адресованы нам. И потому сегодня каждому из нас придется включать здравый смысл и спрашивать себя: отчего я верю, что детям лучше в российском детдоме, чем в иностранной семье (что на митинги выходят только за деньги, что этот украл всю нефть, а тот — весь лес — и так далее)? Оттого, что мне это сказал незнакомый человек в телевизоре или оттого, что я лично в этом убедился? Это должно стать законом нашего времени: если чего-то не знаешь, постарайся узнать, а если знаешь — расскажи другим. Не молчи.

Например, **господин Астахов** утверждает, что «проблему сиротства в России можно будет решить через 7–8 лет», потому что «у нас появилась очередь за приёмными детьми, на 1 января 2013 года почти 20 тысяч российских граждан хотели взять на воспитание детей-сирот». Но несложно найти официальные данные, по которым на данный момент в российских сиротских учреждениях находится 106210 детей-сирот. Что мешает этим 20 тысячам российским граждан забрать хотя бы 20 тысяч детей? Может быть, то, что они существуют только на бумаге и в речах уполномоченного? Если человек хочет вытащить из системы хоть одного ребёнка и уж тем более, если он готов взять того, у кого меньше шансов, ни в какой «очереди» ему стоять не придётся. А вот если он годами выбирает и никак не может найти подходящего, тогда, конечно, на бумаге мы имеем готового кандидата. Зато в умах населения оседают очередные мифы: проблемы детдомов прекрасно решаются, а за сиротами стоят очереди, так что куда уж нам. И легко догадаться, как это сказывается на росте усыновлений.

Достучаться до небес

Никакая очередь не выстроится завтра у детского дома, в котором как раз во время конференции президента свой восьмой день рождения встретит девочка с двумя именами. По всем документам ее зовут **Валерия** — такое имя ей дала биологическая мать, написавшая отказ. И только два человека на свете называют её **Наташа**: это **Катрина** и **Стивен Моррисы**, которые из-залюдоедского закона не успели официально стать её родителями. И, по-прежнему, единственные, кто думает о ней каждый день, кто звонит и пишет, готовит подарки на день рождения и отчаянно надеется, что Наташа будет жить дома. До приезда **Катрины** и **Стивена Лерой-Наташей** не интересовался ни один усыновитель. У девочки синдром Дауна, а детей с таким диагнозом в России усыновляют очень редко. Процесс сбора документов Катрина

и Стивен начали еще в ноябре 2011 года. Только в июле 2012 они получили разрешение приехать и познакомиться с ребенком. Они провели вместе три дня. И не говорившая до этого девочка произнесла свои первые слова. «Я думаю, что она не говорила ещё и потому, что её никто ни о чём не спрашивал, — объясняет Катрина. — Ей просто указывали, что нужно делать: одеваться, есть, раздеваться и так далее».

Даже директор детского дома, по их словам, очень хороший и сочувствующий человек, считал, что она должна расти в семье. А еще он рассказал, что за 30 лет его работы из этого учреждения россияне взяли под опеку всего троих детей. Документы, собранные супругами в 2011 году, уже оказались недействительными. «Мы кинулись снова собирать все бумаги, обходить врачей, мы делали это с такой сумасшедшей скоростью, позабыв про всё, что успели бы закончить к октябрю 2012-го», — вспоминает Катрина. — Но тут выяснилось, что по новым правилам нам надо пройти не 10 часов обучения для приёмных родителей, а 80». В результате все документы были готовы лишь в ноябре. Оставалось только ждать, когда российская сторона назначит дату суда. «О возможном запрете американского усыновления мы узнали 19 декабря, в Наташин день рождения. Мы были уверены, что нашего случая он уже не коснется — ведь мы уже выполнили все требования, отправили все документы... Как же страшно было выяснить, что мы ошибались!..».

Такое же открытие ждало и триста других американских родителей, находящихся в тот момент в процессе усыновления.

Рене и Джон Томас, которые в декабре 2008 усыновили 4-летнего мальчика из детского дома в Курске. В момент усыновления они узнали, что у их сына, которого они назвали **Джек**, одновременно сохранив и его русское имя, появился родной братишка. От него биологические родители тоже сразу отказались. Рене и Джон не сомневались ни минуты — братья должны быть вместе. Так начался их долгий путь к младшему сыну, **Коле**. Вначале им пришлось ждать целый год, чтобы, согласно российским законам, дать приоритетные права на малыша отечественным усыновителям. Когда таких не оказалось, они смогли собрать все необходимые документы и, наконец, в конце 2009 года впервые встретиться с Колей. «Он сразу прижался ко мне, — с трудом сдерживает слёзы Рене. — Было удивительно видеть, как они похожи с Джеком. И как же Джек радовался, что братик скоро будет дома!..». А дальше был ад с бесконечными переносами слушаний. То из-за громкого случая, когда американская приёмная мама отправила своего сына назад в Россию — того самого **Артёма Савельева**, за которым, по словам Астахова, тоже стояли очереди из российских усыновителей и который до сих пор живёт в детском доме... То потому, что другой судья требовал совсем другие бумаги, то по иным поводам или вообще без поводов. Так же в своё время переносили заседание суда и при усыновлении нашего мальчика — не предупреждая и не затрудняясь объяснить причину. Только у нас это было лишь однажды. А Томасы прошли через 9 (!) переносов судебного слушания по их делу, растянувшихся вплоть до принятия «закона **Димы Яковлева**». Но даже рассказывая это, Рене повторяет: «Мы уважаем российскую судебную систему. Мы просто хотим, чтобы наши мальчики были вместе». Коле уже исполнилось пять. За это время им не интересовалась ни одна российская семья.

Кто ест детей?

Только за год действия «закона Димы Яковлева» стало известно о двух его жертвах с синдромом Дауна, 4-летней девочке **Даше** и 7-летнем мальчике **Кадыре**. К ним тоже не успели американские семьи. А ведь синдром Дауна — это не болезнь, его не лечат и от него не умирают. Но у таких детей часто снижен иммунитет, есть сопутствующие заболевания — например, проблемы с сердцем. Семья для них — единственный шанс. Среди сирот, которых наше заботливое государство не отпустило в Америку, есть и другие дети с синдромом Дауна и разными формами инвалидности. И, к сожалению, очередь из россиян за ними не выстраивается даже после назначения выплаты в 100 тысяч.

Как мало у них шансов попасть домой, на своём опыте знает американка российского происхождения **Джессика Лонг**, урожденная **Татьяна Кириллова**. Сама инвалид

от рождения, брошенная русской матерью, перенесшая ампутацию обеих ног, она была усыновлена в 1993 году американской семьей. После чего не только получила возможность жить счастливой и полной жизнью, но и стала известной паралимпийской чемпионкой. В прошлом году Джессика обращалась к российским властям с просьбой не лишать российских детей шанса найти семью — пусть и за рубежом. А недавно сама ходатайствовала об усыновлении ребенка из России. Астахов отреагировал так: «Американские граждане не могут усыновлять сегодня российских детей. Если она примет гражданство российское, тогда пожалуйста».

Как же тогда господин Астахов может прокомментировать вот такую историю. В 2009 году гражданка РФ **Елена Алексеева-Пошон** удочерила абсолютно обречённого ребенка: двусторонняя лицевая расщелина, полная слепота, нарушение слуха и развитие в 2 года как у трехмесячной... [Посмотрите](#), какой девочка стала сегодня — и каких усилий это стоило. А потом эта же мама решила вытащить из сиротской системы ещё одного малыша — мальчика, у которого не двигаются ни ручки, ни ножки, и которым за 4,5 года его жизни не интересовалась ни одна российская семья. Собраны все документы, оплачено лечение ребёнка, он уже называет приёмных родителей «мама» и «папа»... Но объявлен приговор: отказать. Ведь хотя будущая приёмная мама и гражданка России, но будущий приёмный папа — швейцарец. И живут они в Швейцарии. Маленького **Рената**, который осиротел во второй раз, ждёт перевод из дома ребёнка в детский дом инвалидов. Что там будет с неходячим ребенком, который не может себя обслужить, несложно представить.

По ком звонит колокол

Год назад президент, отвечая на вопрос моего мужа, сказал: «Если вы хотите меня спросить, что конкретно сейчас надо написать, я ещё подумаю. Это нужно со специалистами, с экспертами посоветоваться. С такими людьми как вы — говорю совершенно без всякой рисовки... Это не пустые слова». Не знаю, посоветовался ли с кем-то господин президент. Но раз закон действует, а система продолжает поедать детей, то явно не с теми экспертами и не с такими людьми, как мы.

Ведь, пока телевизор кричал, что не согласные с запретом иностранного усыновления — все сплошь торговцы детьми и агенты Запада, отчаяннее всего против него протестовали именно усыновители, специалисты по семейному устройству, бывшие выпускники детдомов. А режиссеры-документалисты, знакомые с сиротской темой, один за другим снимали фильмы о ней. [«Мамы, дети и закон» Кирилла и Ксении Сахарновых](#), [«Мама, я убью тебя!» Елены Погребижской](#), [«Блеф, или С Новым годом!» Ольги Синяевой](#)... Авторы этих фильмов говорят о том, что они знают — и не со слов чиновников. Кирилл и Ксения снимают жизнь своих друзей. История фильма Елены началась после того, как она побыла волонтером в том самом интернате. Ольга — приёмная мама и свою картину стала делать, чтобы найти ответ на собственный вопрос: что же на самом деле происходит с детьми в сиротской системе, если следы этого видны и через много лет?! Эти фильмы никогда не покажут по телевизору. Но не посмотреть их нельзя.

Поэтому-то и я снова и снова поднимаю эту тему. И потому, что каждый раз, глядя на своего сына, вспоминаю лица детей в сиротской базе. И потому, что уверена: поддержав людоедский закон и забыв про его последствия, мы подписали приговор самим себе. Это по нам тогда звонил колокол.